

М. Н. Сперанский

БЫЛИНЫ

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М. Н. Сперанский**
Былины: Том 2 / М. Н. Сперанский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
648 с.

ISBN 978-5-517-98659-7

Памятники мировой литературы. Русская устная словесность. Том 2. Были-
ны.

ISBN 978-5-517-98659-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Настоящій, второй, томъ „Былинъ“ по матеріалу, въ него вошедшему, представляетъ, во первыхъ, завершеніе круга былинъ въ собственномъ смыслѣ этого названія, именно: былинъ Новгородскую, Московскую, былинъ—„скоморошину“; затѣмъ, въ него вошла „историческая пѣсня“, какъ слѣдующая ступень въ развитіи стариннаго былевого эпоса, наконецъ—старинныя записи былинъ, какъ матеріалъ для освѣщенія положенія нашего эпоса въ древней русской литературѣ. Дальнѣйшія стадіи развитія былевой пѣсни: малорусская дума, казачья, солдатская и низшая эпическая пѣсни, которыя должны собой закончить весь кругъ стихотворнаго русскаго былевого эпоса, отнесены въ слѣдующій томъ изданія.

Въ числѣ объяснительныхъ статей въ этомъ томѣ, въ концѣ его, данъ очеркъ музыкальной стороны нашей эпической поэзіи, составленный Н. А. Янчукомъ. Къ тому приложено нѣсколько снимковъ со старинныхъ записей былинъ и портреты современныхъ намъ носителей эпической поэзіи, исполненные художникомъ П. Я. Павлиновымъ. Въ остальномъ планъ изданія остался прежній.

М. Сперанскій.

Какъ не разъ уже упоминалось на страницахъ настоящаго изданія „Былинъ“, былевая пѣсня — „былина“, „старина“ — въ наше время въ наиболѣе сохранномъ ея видѣ представлена главнымъ образомъ на сѣверѣ Европейской Россіи, отчасти въ Сибири и въ Поволжьѣ съ Предкавказьемъ. Здѣсь въ средѣ великорусскаго населенія встрѣчаемъ рядъ лицъ, еще культивирующихъ этотъ видъ творчества въ болѣе или менѣе обширныхъ размѣрахъ: это — почти исключительно крестьяне, рѣже казаки (въ Приуральѣ, на Дону, въ Предкавказьѣ). Лица эти являются въ то же время послѣдними поколѣніями, хранящими этотъ старинный видъ творчества, уже закончившіи свое развитіе довольно давно: они—носители того преданія этой поэзіи, которое съ давняго времени сберегало ее при всѣхъ измѣненіяхъ русской культуры, отражавшихся, конечно, послѣдовательно и на народной пѣснѣ, внося и въ нее отзвуки пережитаго. часто столь отличнаго отъ того, что было характернымъ для пѣсни въ эпоху ея сложенія. Т. о. передъ нами пѣсня—въ томъ числѣ и былевая — несущая на себѣ бремя исторіи, переживаній быта, среды, въ которыхъ она прожила рядъ, иногда довольно длинный, поколѣній ея создателей, носителей и хранителей. Если теперь носителями и хранителями былевой пѣсни мы видимъ почти исключительно крестьянское населеніе, преимущественно нашего Сѣвера, то, какъ это указывалось выше, эти пѣвцы былинъ и исторической пѣсни смѣнили собой прежнихъ носителей и твор-

цовъ былевой поэзіи, принадлежавшихъ къ инымъ слоямъ русскаго прежняго общества, начиная съ поэтовъ, выходившихъ изъ княжеской придворной среды, среды дружинной, передававшихъ свое искусство и сложенные ими пѣсни другимъ слоямъ, другимъ лицамъ. Ближайшими предшественниками теперешнихъ пѣвцовъ былины, насколько мы можемъ судить по нашимъ научнымъ даннымъ, слѣдуетъ признать, повидимому, профессионаловъ-скомороховъ, которые въ XVI—XVIII вѣкахъ еще были, кажется, въ числѣ носителей и создателей былевой поэзіи, даже по преимуществу: въ началѣ XVIII вѣка еще можно было отъ скомороховъ слышать былины и историческія пѣсни. Съ исчезновеніемъ скоморошества, какъ профессиональнаго занятія, исчезъ и профессионализмъ въ области былевой пѣсни въ дѣлѣ ея храненія и исполненія: она стала удѣломъ любителя преимущественно, какъ мы видѣли, изъ крестьянской среды. Такимъ образомъ, современные носители былины и исторической пѣсни должны были, естественно, въ своихъ приѣмахъ храненія и передачи прежней былевой пѣсни усвоить многое отъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ (ср. ниже, стр. 281 и сл.), а эти послѣдніе, въ свою очередь, воспринявши подобные же приемы исполненія и творчества отъ болѣе раннихъ носителей, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были передать теперешнимъ пѣвцамъ кое-что и изъ этого наслѣдства; въ результатѣ современный носитель былевой поэзіи совмѣстилъ въ себѣ качества различныхъ временъ, различныхъ условій, притомъ въ различной степени сохранности ихъ, при чемъ и онъ самъ въ общемъ долженъ, разумѣется, обладать тѣми изъ этихъ качествъ, которыя обуславливаютъ существованіе самой пѣсни въ его исполненіи; одного онъ не унаслѣдовалъ отъ предшественниковъ, это — профессионализма, поддерживавшаго въ прежнее время сохраненіе и самое созданіе былевой пѣсни, чѣмъ, при измѣненіи культурныхъ условій жизни и міросозерцанія, разумѣется, еще болѣе затрудняется и самое сохраненіе стараго наслѣдія.

Однако, несмотря на столь неблагоприятныя условія суще-

ствования былевой пѣсни въ настоящее время, изучая ея живыхъ представителей, мы можемъ, въ силу сказаннаго только что о традиціи пѣсеннаго творчества, получить данныя — иногда чрезвычайно интересныя — для сужденія о жизни и самой психологіи творчества этого рода и за предшествующее время, время жизни этого творчества, теперь уже закончившагося и только сохраняемаго, но и въ этомъ состояніи все болѣе и болѣе отходящаго въ область преданія. Источникомъ для изученія процесса былевого творчества (помимо, разумѣется, самихъ пѣсенъ) является изученіе и личности современнаго исполнителя, поскольку онъ оказывается носителемъ стараго творческаго преданія. Вотъ почему современные намъ собиратели памятниковъ устнаго творчества отводятъ такое видное мѣсто въ своихъ трудахъ изученію личности пѣвца. При этомъ надо напомнить и то, что, если мы справедливо считаемъ былевою поэзію, какъ отдѣльный видъ творчества, не только уже прекратившей свое развитіе, но даже и вымирающей, къ тому же довольно неуклонно, всеже говорить о полномъ и быстромъ исчезновеніи изъ народной среды этой пѣсни преждевременно: матеріалъ, собранный еще въ недавнее время, такъ же, какъ и въ наши дни, показываетъ, что процессъ этотъ идетъ далеко не вездѣ равномерно и не съ одинаковой быстротой; это даетъ возможность производить наблюденія еще съ достаточною полнотою и надѣ довольно значительнымъ числомъ носителей старинной поэзіи, дѣлать осторожныя обобщенія, и такимъ образомъ выяснять не только современныя условія сохраненія этой поэзіи, но и подойти ближе къ самому процессу созданія пѣсенъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ ихъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ. Иначе: попытка ознакомиться съ современнымъ носителемъ былевого творчества дастъ возможность заглянуть въ психологію творчества прежняго времени, подчасъ, быть можетъ, довольно отъ насъ отдаленнаго.

Прежде чѣмъ перейти къ ознакомленію съ отдѣльными современными носителями былевой поэзіи, какъ съ индивидуальными художниками пѣсни, не будутъ излишними общія пред-

ставленія о пѣвцахъ этой категоріи: эти общія имѣ всѣмъ въ значительной степени черты, установленныя собирателями путемъ непосредственнаго наблюденія, тѣмъ рельефнѣе помогутъ обрисовать личныя особенности каждаго, выдѣливъ такимъ образомъ ту долю личнаго творчества, которую привноситъ каждый изъ нихъ, передавая традиціонное для него искусство въ пѣснѣ. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о пѣвцахъ былевой пѣсни даны были около 1870 года А. Э. Гильфердингомъ, имѣвшимъ случай въ специальной поѣздкѣ въ Онежскій край, еще богатый былинно-пѣсеннымъ матеріаломъ, изучить болѣе семидесяти пѣвцовъ („сказителей“, „сказателей“) былинь, сдѣлать тщательныя наблюденія, получить настолько точныя выводы изъ этихъ наблюденій, что послѣдующимъ собирателямъ оставалось лишь провѣрять и дополнять въ немногомъ эти наблюденія и выводы. Не входя въ подробности наблюденій А. Э. Гильфердинга и послѣдующихъ собирателей, можно такъ приблизительно формулировать эти общія представленія о современныхъ носителяхъ былевого творчества.

Былины и историческія пѣсни на русскомъ Сѣверѣ поютъ почти исключительно крестьяне; какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчаются пѣвцы и пѣвицы изъ среды духовенства, которое, однако, не дало ни одного болѣе или менѣе выдающагося исполнителя былинь; нѣсколько чаще былина встрѣчается въ репертуарѣ нищихъ „каликъ“, профессиональныхъ исполнителей духовнаго стиха; но былина никогда не составляетъ основного содержанія ихъ репертуара, будучи здѣсь либо случайностью, либо появившись въ немъ сравнительно недавно, когда и пѣніе былинь, благодаря спросу на нихъ со стороны интеллигентнаго собирателя или слушателя, стало такъ или иначе оплачиваться. Съ другой стороны, большинство „сказителей“ знаетъ также и духовныя стихи, но у нихъ они, въ свою очередь, не играютъ органической роли въ ихъ былинномъ репертуарѣ, хотя и отражаются, можетъ быть, на этомъ репертуарѣ, увеличивая такимъ образомъ количество матеріала, который долженъ держать въ памяти сказитель, за

счетъ чисто-былевого, а иногда вліяя на окраску и самой былевой пѣсни; менѣе мы имѣемъ свѣдѣній о казакахъ, въ качествѣ исполнителей былевой пѣсни: помимо единоличнаго исполненія пѣсни, въ этой средѣ, въ силу бытовыхъ условій, мы знаемъ многоголосное исполненіе такихъ пѣсенъ—явленіе, признаваемое уже вторичнымъ.

Былевая пѣсня исполняется одинаково какъ мужчинами, такъ и женщинами, при чемъ не наблюдается сознательнаго преимущества за тѣмъ или другимъ поломъ; если въ Олонецкомъ краѣ собирателямъ удавалось чаще слушать мужчинъ, то въ Архангельскомъ такъ же часто встрѣчались среди носителей былинъ и женщины; если мужское населеніе дало намъ замѣчательныхъ по обилію былевого матеріала представителей, то и женская половина познакомила насъ съ не менѣе выдающимися по богатству и дарованіямъ пѣвицами. То же самое надо сказать и о возрастѣ пѣвцовъ и пѣвицъ: если между ними преобладаютъ люди старые или, по крайней мѣрѣ, пожилые, то объясняется это прежде всего тѣмъ, что „стáрина“, какъ уже отживающій видъ творчества, удерживалась болѣе въ памяти людей старшаго поколѣнія, когда эта пѣсня сама еще была свѣжѣе, а обучились они ей, естественно, еще въ годы сравнительной молодости, т.-е., сохранили ее до старшаго возраста; примѣры того, что и теперешняя молодежь усваиваетъ „стáрину“, т.-е., что года пѣвца не стоять въ связи съ его умѣніемъ исполнять и старую пѣсню, приводятся рядомъ наблюдателей. Точно также не играетъ существенной роли въ исторіи сохраненія и въ передачѣ „стáрнны“ и религіозно-бытовая обстановка исполнителя: къ былинѣ одинаково относятся и обычные православные, и старообрядствующіе тамъ, гдѣ среди населенія встрѣчаются и тѣ и другіе.

Съ точки зрѣнія экономическихъ условій быта можно замѣтить, что знаніе былинъ распространено преимущественно среди крестьянъ достаточныхъ, порядливыхъ хозяевъ, имѣющихъ въ силу сравнительной обезпеченности болѣе досуга, который нуженъ для исполненія и усвоенія былины. Среди пѣвцовъ встрѣ-

чаются, впрочемъ, и люди своего хозяйства не имѣющіе; но это—по большей части—люди, служившіе ранѣе въ качествѣ работниковъ у зажиточныхъ сосѣдей, гдѣ они отъ хозяевъ усвоили и свои пѣсни, или же люди, не ведущіе хозяйства въ связи со своимъ промысломъ (напр., ходячаго сапожника, такого же портного), т. е., опять-таки соприкасающіеся съ домовитымъ крестьяниномъ.

Самый родъ занятій также, повидимому, не безразличенъ для большей или меньшей степени сохраненія и усвоенія былевой поэзии: по замѣчанію наблюдавшихъ, съ бѣльшей чистотой и въ бѣльшемъ количествѣ былина культивируется среди крестьянъ, у которыхъ земледѣліе не составляетъ главной основы ихъ повседневнаго труда и хозяйства, а преобладаютъ иные промыслы: рыбная ловля, охота, изготовленіе рыболовныхъ снастей, деревянной посуды, портняжество, сапожничество и т. п.; повидимому, земледѣліе отнимаетъ слишкомъ много времени и энергіи, чтобы основательно отнестись къ дѣлу исполненія былины.

Наконецъ, отсутствіе грамотности и старинныя, еще не очень измѣнившіяся бытовые условія въ жизни считаются благоприятными для сохраненія навыковъ у сказителя; это—вполнѣ естественно: былина и историческая пѣсня—произведенія стараго времени, имѣвшаго свои культурные запросы, все менѣе и менѣе находящіе себѣ соотвѣтствія по мѣрѣ приближенія къ нашей современности; грамотность же въ измѣненіи міросозерцанія, интересовъ носителя играетъ, конечно, очень значительную роль. Таковы, такъ сказать, внѣшнія общія условія, изъ которыхъ въ значительной степени слагается обликъ современнаго носителя „старинъ“.

Гораздо болѣе существенную роль въ созданіи пѣвца играютъ душевныя качества. На первомъ мѣстѣ въ этомъ отношеніи должна быть поставлена личная одаренность пѣвца: не всякій можетъ быть или стать исполнителемъ „старинъ“: здѣсь требуется, несомнѣнно, и собственное поэтическое дарованіе, потому что, какъ увидимъ, процессъ передачи старинной былины не есть только механическое воспроизведеніе содержанія или содержанія

и формы ранѣ созданнаго поэтическаго произведенія; отъ степени поэтическаго дарованія сказителя зависить качество, болѣе высокое или менѣе художественное, передаваемой былины. Для того же необходима и наличность опредѣленнаго настроенія и взгляда на исполняемое произведеніе: иначе, фальшь, которая является непремѣнно при отсутствіи такого настроенія и такого взгляда на исполняемое произведеніе, тотчасъ обнаружится, конечно, въ ущербъ художественной сторонѣ самаго произведенія. Поэтому-то большинство собирателей и наблюдателей такъ характеризуютъ взглядъ пѣвца на сказываемую имъ пѣсню: несмотря на всю разницу между содержаніемъ пѣсни и современной дѣйствительностью, пѣвецъ во время исполненія весь живетъ въ мірѣ, рисуемомъ его пѣснею, не допускаетъ сомнѣнія въ возможности и въ дѣйствительности въ прошломъ того, чтó рассказываетъ его пѣсня, находя такимъ образомъ объясненіе этому несоотвѣтствію именно въ томъ, что пѣсня рассказываетъ не о современности, а о прошломъ, притомъ прошломъ отдаленномъ, когда жизнь и люди были иными, нежели теперь. Этимъ объясняется то неудовольствіе, иногда и раздраженіе, которыми встрѣчаетъ пѣвецъ скептическое замѣчаніе слушателя, безтактно позволившаго себѣ усумниться въ правдивости сообщаемаго пѣсней. Такое настроеніе намъ извѣстно: вѣдь, это — настроеніе и современнаго поэта нашего круга, когда поэтъ этотъ въ процессѣ творчества переселяется въ міръ рисующихся ему и рисуемыхъ имъ образовъ. И сказитель старины, воспроизводящій существующее до него содержаніе пѣсни, участвуетъ въ ней именно творческими сторонами своей души.

Слѣдующимъ свойствомъ, необходимымъ для сказителя, является прѣжде всего память, лучше сказать, памятьливость, притомъ не заурядная: тотъ обширный, даже у рядового исполнителя былинь, матеріалъ, относящійся прямо какъ къ содержанію, такъ и къ словесной и музыкальной формѣ исполняемой имъ пѣсни, настолько великъ, сложенъ и разнообразенъ, что безъ особенной памятьливости, притомъ въ извѣстномъ направленіи

развитой, онъ его не передастъ, сохраняя въ то же время художественную цѣльность стариннаго произведенія. Какъ великъ и насколько сложенъ можетъ быть этотъ матеріалъ, можно судить уже по тѣмъ записямъ былинь, которыя опубликованы собирателями: двѣ или три тысячи стихотворныхъ строкъ, которыя держать въ памяти и умѣть воспроизвести средняго достоинства сказитель,—дѣло довольно обычное въ практикѣ собирателей пѣсенъ; но мы знаемъ, что болѣе памятливые и талантливые пѣвцы могли сообщить собирателю такихъ стиховъ пять, шесть и даже до десяти тысячъ. Это требованіе исключительныхъ свойствъ памяти станетъ еще виднѣе, если припомнимъ, что для сказителя стихотворная строка—не только словесная, но и музыкальная; если это послѣднее условіе, съ одной стороны, облегчаетъ запоминаніе словесной формы, то ставитъ, съ другой, новую задачу для его памяти: онъ долженъ помнить еще мотивъ, на который поется данная строка его пѣсни.

Изъ сказаннаго сейчасъ ясно, что столь же обязательнымъ условіемъ для сказителя является музыкальность: въ пѣснѣ, какъ таковой, словесная форма не отдѣлима отъ музыкальной, т.-е., отъ мотива. Эта музыкальность не есть только музыкальная память, помогающая сохранить и воспроизвести слышанный мотивъ данной пѣсни или даннаго ея мѣста: при той свободѣ отношенія къ тексту, о которой рѣчь впереди, необходимой надо признать музыкальность въ болѣе высокомъ значеніи: пѣвецъ долженъ обладать не только простой памятью мотива, памятью ритма, но и умѣніемъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи мотивовъ выбрать наиболѣе соответствующій мѣсту, имъ словесно скомбинированному изъ его словеснаго запаса. Степенью именно такой музыкальности и измѣряется общее достоинство его пѣсни слушателемъ и собирателемъ; есть хорошо передающіе содержаніе и музыкальную сторону былины пѣвцы, но есть и такіе, которые хорошо передаютъ содержаніе, но плохо музыку, отчего и самая былина по формѣ бываетъ мало удовлетворительна. Въ большинствѣ же случаевъ оба качества—памятливость и музыкальность—